

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Е. Т. Гурвич

Резюме

Проводится анализ динамики производства в России в 1992-2000 гг. Делается вывод, что основными причинами спада были, прежде всего, резкое сокращение инвестиционного спроса (на 84% за 8 лет) и снижение предложения в менее конкурентоспособных секторах в результате либерализации экономики. Последний эффект не был компенсирован ростом предложения в более конкурентоспособных секторах вследствие крайне слабого перемещения ресурсов между отраслями и сокращения инвестиций.

Влияние экономической политики на рост рассматривается как на основе анализа современных моделей эндогенного роста, так и по опубликованным данным межстранового эконометрического исследования факторов развития. Теоретический анализ говорит о том, что зависимость темпов экономического роста от государственных расходов имеет вид «горба»: негативно действуют на рост как излишне большие, так и недостаточные расходы. Это в целом подтверждается и эмпирическими данными.

Далее рассматривается спектр обсуждаемых подходов к стимулированию роста российской экономики. Ставится под серьезное сомнение целесообразность значительного сокращения государственных расходов. Межстрановой анализ не дает оснований считать, что общий уровень государственных расходов в России завышен, хотя их структура требует существенного изменения.

Автор выражает глубокую признательность чл.-корр. РАН В.М.Полтеровичу и к.т.н. С.Я.Чернавскому за плодотворное обсуждение проблемы.

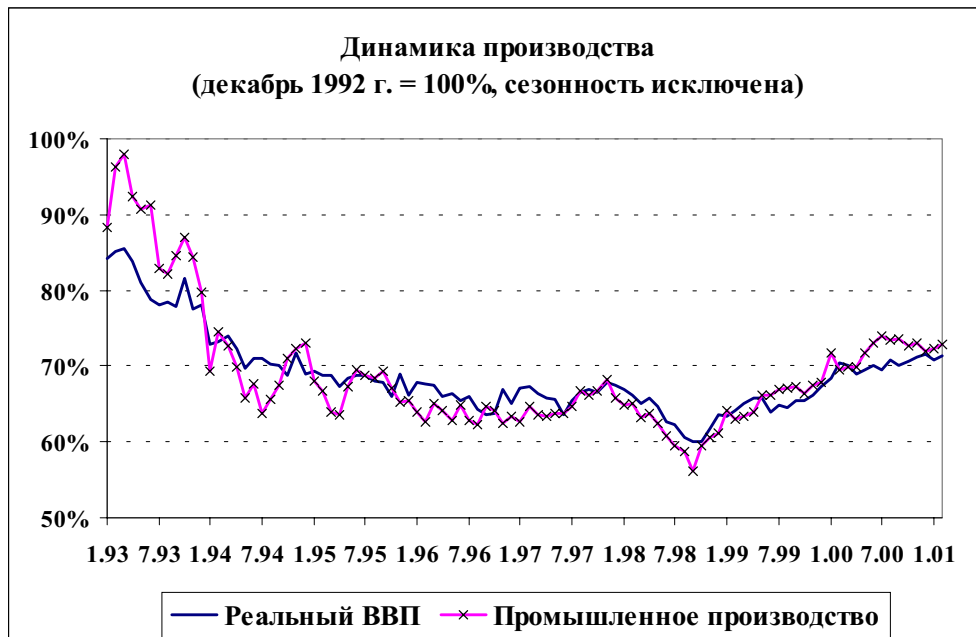
СОДЕРЖАНИЕ

I. АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДСТВА	6
Общие закономерности переходного периода	6
Причины спада в России	10
Инвестиционный спад	20
Послекризисный рост производства	22
II. РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	23
III. ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ РОСТА В РОССИИ	35
IV. ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ РОСТ	41
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	52

I. АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДСТВА

Общие закономерности переходного периода

За период с 1992 по 2000 гг. физический объем российского ВВП снизился на 32.5%, промышленное производство – на 41.0%. Обсуждение подходов к обеспечению устойчивого роста целесообразно начать с анализа источников этого огромного спада, тем более что среди экономистов по-прежнему отсутствует единство взглядов в оценке его главных причин.

Отметим, что значительное сокращение производства пережили все страны бывшего СССР и Восточной Европы, поэтому принято говорить о трансформационном спаде.

Снижение производства на первом этапе реформ было предсказуемым, однако его размеры намного превосходили ожидания, что вызвало резкую дискуссию о правильности проводившегося в этих странах подхода к проведению реформ.

Приведенные в Таб. 1 данные показывают, что спад в России по размерам несколько меньше среднего по странам СНГ, но значительно превосходит спад в странах Центральной и Восточной Европы. Кроме того, Россия “опережает” большинство переходных стран по длительности спада.

В целом, страны бывшего СССР пережили значительно более глубокий спад чем страны Центральной и Восточной Европы. Ключевыми вопросами при

анализе трансформационного спада служат, во-первых, выявление основных общих причин, определивших рецессию во всех переходных экономиках, и, во-вторых, специфических причин, объясняющих существенные различия экономической динамики.

Таблица 1. Спад производства в странах с переходной экономикой за 1989-1998 гг. (Fisher, Sahay, 2000)

	Спад(-)/ рост(+) за 1989 - 1998 гг.	Спад в нижней точке	Год прохождения нижней точки	Рост по сравнению с нижней точкой
Россия	-45.1	-45.1	1998	0.0
Беларусь	-21.8	-36.9	1995	24.0
Казахстан	-40.0	-40.0	1998	0.0
Узбекистан	-8.4	-14.4	1995	7.0
Украина	-63.5	-63.8	1997	0.8
Болгария	-34.3	-36.8	1997	4.0
Венгрия	-4.8	-18.1	1993	16.3
Польша	23.2	-13.6	1991	42.6
Словения	-0.2	-20.4	1992	25.4
Чехия	-4.6	-15.4	1992	12.8
Все переходные экономики	-31.9	-41.8	1993	17.0
Страны СНГ	-49.0	-54.4	1995	11.8
Страны Балтии	-31.5	-43.3	1994	20.8
Страны Центр. и Вост. Европы	-12.2	-28.0	1992	21.9

Отметим, что размеры спада оказались столь велики, что статистические данные неоднократно подвергались сомнению. Размеры спада в российской экономике в начальные годы периода реформ действительно были несколько скорректированы (с тем чтобы более полно учесть нерегистрируемую экономическую деятельность), однако в целом экономисты признали, что масштабы сокращения производства намного превзошли ожидания.

В объяснении фундаментальных причин спада соперничают два противоположных по своей идеологии подхода, которые можно условно назвать позицией МВФ и позицией Мирового банка.

Первая исходит из того, что решающее значение для успеха рыночных реформ имели скорость и глубина структурных реформ и макроэкономической стабилизации. Конкретное содержание необходимых мер при этом в основном соответствует “Вашингтонскому консенсусу”, т.е. подразумевает прежде всего

приватизацию, дерегулирование экономики, включая либерализацию цен, валютного курса и внешней торговли, сокращение бюджетного дефицита и отказ от его монетарного финансирования. В ряде исследований этого направления (их обзор можно найти в работе Fisher, Sahay, 2000) аргументируются следующие выводы:

- Наибольший спад произошел в первые годы реформ, до проведения активной стабилизационной политики. Это свидетельствует, что рецессия связана, главным образом, с исходными диспропорциями и “дезорганизацией” (Blanchard, Kremer, 1997) – запаздыванием в формировании новых производственных связей после разрушения связей, существовавших в плановой экономике.

- Начальные диспропорции оказывают существенное влияние на производство и инфляцию на начальном этапе, но их эффект носит краткосрочный характер.

- Жесткая кредитно-денежная политика на этапе стабилизации не вносит значимого вклада в снижение производства. В целом спад в основном связывается со снижением предложения.

- Необходимым условием перехода от трансформационному спаду к росту служит макроэкономическая стабилизация. Как правило, производство начинает расти через два года после стабилизации.

- Чем раньше начинается и чем успешнее проводится стабилизация, тем быстрее прекращается спад.

- Динамика производства существенно зависит от проведения структурных реформ.

Общий анализ поддерживается результатами межстрановых эконометрических уравнений, содержащих зависимость динамики производства от переменных, включающих в различных сочетаниях инфляцию, бюджетный дефицит, различные индексы либерализации и уровень приватизации (Berg et al., 1999; DeMelo et al., 1997). В одной из работ (Mercer-Blackman, Unigovskaya, 2000) даже находится положительная связь между темпами роста и степенью соответствия макроэкономических показателей критериям, отраженным в программах МВФ. Правда, многие полученные здесь выводы могут быть подвергнуты серьезному сомнению. Так, обнаруженная DeMelo et al. (1997)

сильная положительная связь уровня либерализации с экономическим ростом и отрицательная связь с инфляцией не обязательно говорят о причинно-следственной связи, а могут иметь тривиальное объяснение: на начальном этапе реформ наблюдался сильный спад и высокая инфляция (обусловленные исходными диспропорциями), при этом либерализация находилась на сравнительно низком уровне.

Худшие результаты в России и других странах СНГ, как правило, объясняются здесь более медленным проведением реформ и стабилизации.

Альтернативная точка зрения (Стиглиц, 1999; World Development Report, 1997; Попов, 1998) состоит в том, что решающим фактором, определяющим успех или неудачу реформ, служит качество государственных институтов. Акцент при этом сдвигается с макроэкономической политики на обеспечение защиты прав собственности и законности, предсказуемость экономических условий и “правил игры”, формирование доверия к властям, развитие инфраструктуры. Главной причиной неудачи реформ в России и других странах СНГ здесь называется чрезмерное внимание к макроэкономической политике и либерализации в ущерб реформам на микроуровне (формированию “жестких бюджетных ограничений”, развитию конкурентной среды, повышению мобильности ресурсов) и слабый прогресс в развитии институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики. Значительно большее значение придается исходным условиям, действие которых может носить долгосрочный характер. Подчеркивается, что скорость приватизации и степень либерализации на каждом этапе должны соответствовать уровню готовности экономики, зрелости соответствующих институтов.

В некоторых работах намечается попытка синтеза этих противоположных точек зрения. В качестве примера можно назвать недавно выполненную в МВФ работу с “говорящим” названием: “Институты важны для переходных экономик, но важна и макроэкономическая политика” (Navylyshyn, van Rooden, 2000).

Как представляется, совокупность всех проведенных исследований позволяет сделать вывод о том, что макроэкономическая политика, структурные реформы и укрепление институтов не являются взаимозаменяемыми: для успешного развития требуется сочетание всех этих компонент. При этом формирование институтов должно идти впереди остальных составляющих

политики: любые меры могут быть продуктивными только если экономическая среда подготовлена для адекватной реакции на них. Неподготовленные меры не только не работают, но могут иметь даже негативный эффект (например, как отмечается ниже, неподготовленное стимулирование конечного спроса).

Причины спада в России

Рассмотрим выдвигавшиеся применительно к России более конкретные причины спада. Среди наиболее часто рассматриваемых общих причин трансформационного спада следует назвать:

1. *Сокращение конечного спроса в результате распада СЭВ, а затем СССР.* Ряд исследований (Gomulka, 1998, Rodrik, 1992 и др.) показали, что в других бывших социалистических странах (Польше, Венгрии) такие факторы играли ведущую роль в объяснении спада. Для российской экономики их влияние, по-видимому, было достаточно значительным, однако действие ограничилось в основном начальным этапом периода реформ.
2. *Сокращение спроса вследствие резкого сокращения государственных расходов (в первую очередь военных).* Этот фактор, по-видимому, также действовал в основном на первом этапе реформ.
3. *Либерализация цен и внешней торговли в условиях значительных исходных различий внутренних и внешних ценовых соотношений.* Рост относительных цен на энергоресурсы и сырьевые товары и их снижение на продукцию обрабатывающей промышленности сделало последнюю неконкурентоспособной и стало одной из ведущих причин производственного спада. Этот механизм впервые был детально рассмотрен В.Полтеровичем (1995).
4. *Чрезмерное укрепление рубля,* усилившее действие предыдущего фактора. По данным М. Монтеса и В. Попова (1999) обменный курс рубля до кризиса был гораздо ближе к паритету покупательной способности чем валюты большинства других переходных экономик и в этом смысле рубль мог считаться «переоцененным».
5. *Демонетизация экономики в рамках рестриктивной денежно-кредитной политики.* В процессе стабилизации российской экономики уровень ее монетизации резко снизился. Это привело, с одной стороны, к значительному

сокращению денежных оборотных средств предприятий, а с другой стороны, к широкому распространению в расчетах денежных суррогатов. И то и другое внесло важный вклад в спад производства. (Полтерович, 1995, 1996).

6. *Резкие сдвиги в структуре экономики на фоне исходных диспропорций*. На важность этой группы факторов указывают, в частности, Попов (1998), Яковлев (2000), Roland, Verdier (1997).
7. *Монопольная структура производства*. Теоретическую модель эффекта данного фактора построил, в частности, Мовшович (1992).
8. *«Дезорганизация»* (Blanchard O., Kremer M., 1997).
9. *Сокращение государственных инвестиций*.

Отметим, что некоторые из перечисленных факторов представляют собой разные звенья общего механизма спада. Например, сдвиги в структуре экономики стали результатом ее либерализации в условиях начальных диспропорций.

Прежде чем сформулировать свою позицию по поводу сравнительной значимости основных причин спада, рассмотрим более детально картину сокращения производства.

Анализ динамики ВВП по основным секторам показывает, что наименьший спад испытало производство рыночных услуг (сокращение производства в нижней точке составило 17.5%, а в целом за 1992-2000 гг. – 10.1%). Спад в секторе нерыночных услуг также меньше общего (26.3% и 24.2% соответственно), наибольший же спад зафиксирован в производстве товаров (более чем вдвое – на 51.6% - в нижней точке и на 43.5% в целом за период).

В отраслевом разрезе наименьший спад за 1992-2000 гг. произошел в торговле (4.5%), а максимальный – в строительстве (60.3%).

Сопоставление динамики производства по секторам с изменением относительных цен показывает явную прямую связь между ними. Исключением служит строительный комплекс, где при сравнительно небольшом снижении относительных цен (на 8% по отношению к ценам производителей в промышленности за 1991-1999 гг.) произошел наиболее сильный спад. В свою очередь, изменения относительных цен явно связаны с направлением и величиной их исходных отклонений от международных цен. Таким образом, эти данные показывают роль изменения предложения в результате снижения цен в менее конкурентоспособных отраслях. Эффект международной конкуренции,

следовательно, во многом объясняет дифференциацию спада по отраслям, но не объясняет значительную часть общего сокращения производства.

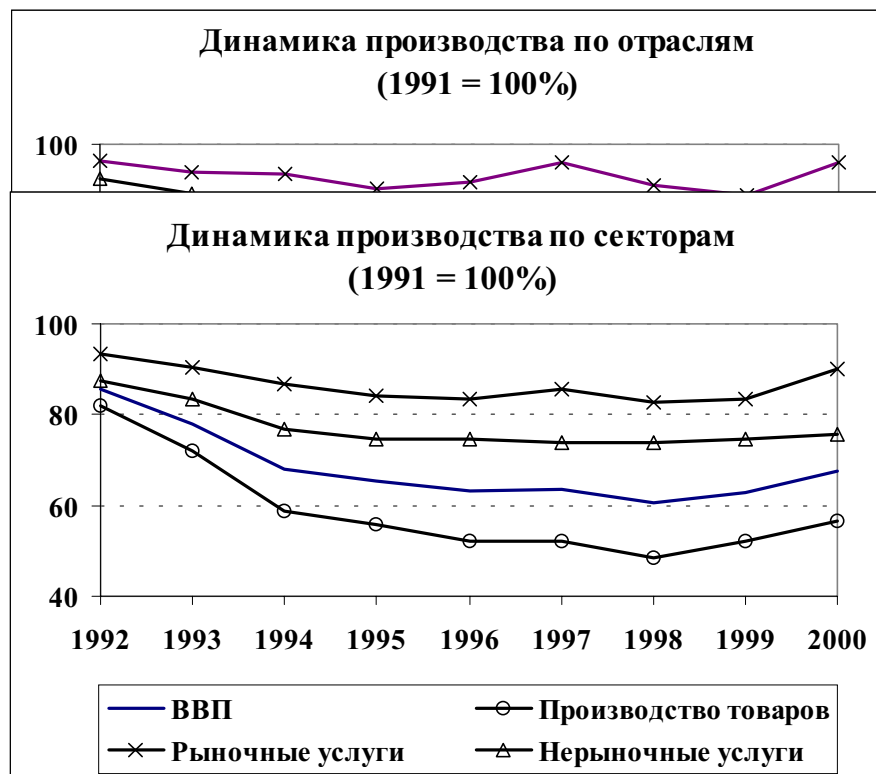

Таблица 2. Связь между ценами и размерами спада по отраслям

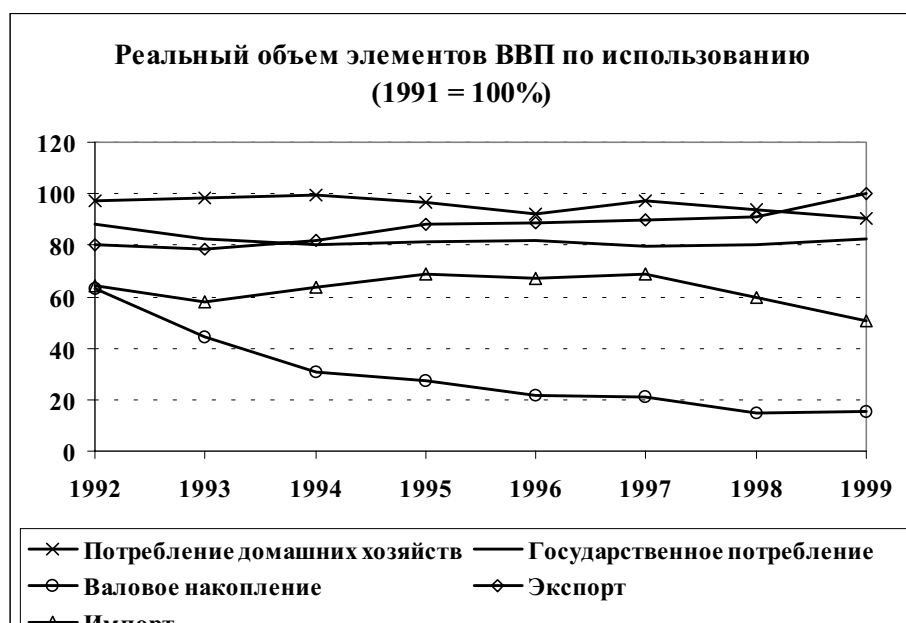
	Изменение относительных цен: дек. 1999 г. по сравнению с дек. 1991 г.	Соотношение внешнеторговых и внутренних цен в 1990 г.		Спад производства за 1992-1999 гг.
		По экспортируемой продукции	По импортируемой продукции	
Промышленность всего	0%	н/д	н/д	-46%
Электроэнергетика	53%	н/д	н/д	-25%
Топливная	160%	307%*	91%*	-28%
Черная металлургия	25%	114%	98%	-34%
Цветная металлургия	59%	129%	73%	-36%
Химическая	-3%	76%	68%	-47%
Машиностроение	-18%	173%	97%	-53%

ЛДЦБ	-31%	73%	64%	-54%
Промстройматериалов	-20%	106%	54%	-64%
Легкая	-69%	41%	25%	-85%
Пищевая	-4%	49%	45%	-42%

*) Нефтегазовая промышленность

При анализе элементов использования ВВП за 1991-1999 гг. бросается в глаза, прежде всего, огромное снижение валовых накоплений (на 84.3%!), намного превышающий сокращение остальных компонентов. Следом идет спад

импорта (более чем вдвое), тогда как экспорт остался на уровне 1991 г., а потребление домашних хозяйств и государственных учреждений сократилось на 11.5% и 19.1% соответственно.

Эти данные свидетельствуют, что на протяжении всего периода реформ ведущим фактором спада было сокращение внутреннего спроса, которое лишь в первые годы в небольшой степени усиливалось снижением внешнего спроса. Что касается импорта, то, если не касаться условий торговли и изменения реального обменного курса, то лишь в 1994-1995 и 1997 гг. физический объем импорта возрастал (и то сравнительно ненамного), в остальные же годы его динамика скорее компенсировала сжатие внутреннего спроса. Главным же источником спада, очевидно, было сокращение инвестиционного спроса.

Столь значительные различия величины сокращения элементов конечного использования ВВП говорят о том, что основным источником спада было не уменьшение предложения (хотя и его роль была важна), а снижение инвестиционного спроса (которое затем внесло свой вклад и в снижение предложения).

Роль других факторов, как представляется, была несравненно менее значимой. Снижение государственного потребления в реальном выражении было сравнительно небольшим. Сжатие денежной массы оказалось смягчено специфической адаптацией в виде бартера, неплатежей и т.п. Это стало фактором, препятствующим восстановлению производства, но не было решающей причиной спада.

Таблица 3. Изменение элементов конечного спроса в ценах предыдущего года (в % ВВП)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Спрос всего	-14.9	-7.7	-11.7	-4.5	-6.7	0.9	-5.5	5.2
Внешний спрос	-2.7	-1.3	1.9	2.0	0.2	0.3	0.4	2.9
Чистый внутренний спрос	-12.2	-6.3	-13.6	-6.6	-6.9	0.6	-5.9	2.4
Внутренний спрос	-16.9	-11.0	-10.7	-4.7	-7.4	1.3	-8.7	-1.3
Потребление	-3.3	-0.5	-2.0	-1.9	-2.2	2.1	-1.7	-2.7
Накопление	-13.7	-10.5	-8.7	-2.8	-5.2	-0.9	-7.0	1.4
Импорт	-4.8	-4.7	3.0	1.9	-0.6	0.6	-2.8	-3.6

Таблица 4. Структура конечного спроса в фактических ценах

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Спрос всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Внешний спрос	64.2	39.4	28.0	27.7	24.6	23.4	30.6	43.2
Внутренний спрос	85.5	92.0	95.4	96.6	95.9	97.1	92.6	83.7
Импорт	49.7	31.4	23.4	24.3	20.5	20.5	23.2	26.9
Доля внутреннего спроса удовлетворяемая импортом	58.2	34.2	24.5	25.1	21.4	21.1	25.1	32.1

Что касается политики обменного курса, нет оснований считать, что он был искусственно завышен. Действительно, начиная с 1996 г., курс поддерживался притоком краткосрочного капитала. Однако, нельзя забывать, что одновременно в течение всего периода реформ рубль ослаблялся значительным оттоком капитала. Проблема была не в завышенном обменном курсе рубля, а в высокой степени подверженности России “голландской болезни”. Это определяется, во-первых, значительными масштабами российского экспорта и, во-вторых, чрезвычайно большими разрывами эффективности разных отраслей. С учетом этого, скорость укрепления рубля опережала возможности адаптации производителей. Таким образом, денежные власти не зависили рубль, но не приняли достаточных мер для его ослабления по сравнению с “естественным” уровнем (как это делается сейчас), что могло бы уменьшить размеры спада.

Обследования предприятий показывают, что на микроуровне как главные ограничения производства воспринимались недостаток спроса и нехватка финансовых ресурсов (Российский экономический барометр, 2000). Последнее во многом было обусловлено недостаточными инвестициями в оборотный капитал.

Наши выводы подтверждаются тем фактом, что сокращение производства сконцентрировано, в первую очередь, в секторах инвестиционного комплекса (строительство, машиностроение, стройматериалы) и, во вторую, - в секторах с существенной ролью внешней торговли, которые изначально имели худшие показатели конкурентоспособности по международным стандартам (сельское хозяйство, легкая промышленность, бытовая техника).

Глубина спада в указанных отраслях (строительство, сельское хозяйство, машиностроение, стройматериалы, легкая промышленность), составила в среднем за 1992-1999 гг. 54.1% - в 2.4 раза больше чем в среднем по остальным отраслям (22.6%). Снижение производства в пяти перечисленных отраслях объясняет 68.3%

общего сокращения ВВП (при агрегировании по структуре производства 1990 г.), тогда как их доля в ВВП составляла лишь 47%.

Таблица 5. Вклад отдельных секторов в общий спад производства.

	Сокращение производства	Доля в ВВП 1990 г.	Сокращение ВВП за счет данного сектора	Вклад в общий спад
1. Машиностроение .	-52.5%	15.7%	-8.3%	22.0%
2. Промышленность стройматериалов.	-63.8%	1.7%	-1.1%	2.9%
3. Легкая промышленность.	-84.5%	2.8%	-2.4%	6.3%
4. Строительство.	-64.6%	10.4%	-6.7%	18.0%
5. Сельское хозяйство.	-42.9%	16.6%	-7.1%	19.0%
<i>Всего по секторам 1-5</i>	<i>-54.1%</i>	<i>47.3%</i>	<i>-25.6%</i>	<i>68.3%</i>
Другие сектора	-22.6%	52.7%	-11.9%	31.7%
Всего	-37.5%	100.0%	-37.5%	100.0%

Очевидно, что приведенные цифры не полностью исчерпывают роль выделенных факторов. Сокращение инвестиционного спроса влияло на производство не только прямо, но и косвенно, через стандартный механизм мультипликатора. С учетом этого, на два выделенных фактора приходится подавляющая часть общего спада.

Хотя в общих чертах данные факторы неоднократно рассматривались в числе основных причин спада, механизм их действия в России имел существенную специфику, определившую масштабы их эффекта.

Стандартные представления состоят в том, что либерализация внешней торговли неизбежно приводит к рецессии в менее конкурентоспособных отраслях, который, однако, смягчается, а затем и компенсируется ростом производства в секторах, более конкурентоспособных по международным стандартам. Обычно считается, что сокращение производства, во-первых, носит временный характер, и во-вторых, не отражается на уровне потребления, так как сопровождается более эффективным использованием ресурсов. В отношении России распространено мнение, что производственный спад произошел в отраслях, которые при расчете в мировых ценах производили отрицательную добавленную стоимость.

Ситуация в России кардинально отличалась от этих представлений. Производство упало практически во всех отраслях. Спад произошел даже в наиболее конкурентоспособном нефтегазовом комплексе: добыча нефти снизилась за 1992-1999 гг. на 35%, газа – на 7%. Одновременно упало (хотя и в меньшей степени чем производство) и потребление.

Приведенный стандартный взгляд исходит из того, что спад в неконкурентоспособных отраслях сопровождается перераспределением существенной части ресурсов труда и капитала в конкурентоспособные отрасли. Такой процесс практически не происходил в России.

В России фактически не сформировались механизмы перераспределения ресурсов между секторами. Основным источником производственных инвестиций остаются собственные средства предприятий при слабости банковской системы и отсутствии инфраструктуры размещения корпоративных облигаций. Фактически отсутствует рынок труда: межотраслевые различия в уровне оплаты зависят не от квалификации или тяжести труда, а от финансового положения отрасли. Дифференциация оплаты труда по отраслям промышленности составлявшая в 1990 г. 3.5 раза возросла к 2000 г. до 8.5 раза.

Несмотря на то, что нефтедобывающая и газовая промышленности выиграли от либерализации экономики, инвестиции туда резко снизились: в целом за период 1992-1998 гг. спад составил 76% и 60% соответственно (хотя инвестиции в нефтепереработку выросли на 29%). Это стало одной из главных причин спада производства в капиталоемком нефтегазовом секторе. Численность занятых в нефте- и газодобыче несколько выросла, однако это не смогло компенсировать сокращение инвестиций.

Исследование DeBroeck, Koen (2000) показало, что перераспределение ресурсов в странах бывшего СССР, включая Россию, оказало негативное действие на производительность факторов, поскольку высвобождающаяся рабочая сила в основном переходила в мелкое сельскохозяйственное производство, торговлю и государственный сектор. Эти авторы делают вывод, что отсутствие перемещения ресурсов из «старого производства» в «новое», считающееся одним из ключевых элементов процесса трансформации (Blanchard, 1997), стало важнейшей причиной неудачи реформ.

Теоретически ясно, что в условиях отсутствия перелива ресурсов выпуск в неконкурентоспособных отраслях должен сокращаться, а в конкурентоспособных – оставаться прежним. Более того, можно построить пример двухсекторной экономики без перераспределения ресурсов, где либерализация торговли приводит к падению потребления всех товаров. Если добавить к этому наличие ограничений на величину экспорта в краткосрочной перспективе (для России это связано с ограниченной пропускной способностью нефтепроводов, негибкой структурой европейского рынка газа, защитой западных рынков от российских поставок), то может оказаться реальной и ситуация сокращения производства сразу во всех отраслях. Механизм такого спада выглядит следующим образом: открытие экономики приводит к снижению цен в неконкурентоспособных и их повышению в конкурентоспособных секторах. Первые, сталкиваясь с более низкими чем прежде ценами (а в условиях России – также с более высокими затратами на сырье и энергию), сокращают предложение своей продукции. При достаточно значительных начальных диспропорциях происходящее при этом сокращение доходов превышает рост доходов в конкурентоспособных секторах. Этот спад производства не обязательно перевешивает выгоды от более эффективного использования конкурентоспособной продукции.

Подводя итог, можно обрисовать следующий механизм производственного спада в России.

1. Начало реформ сопровождалось сокращением всех видов конечного спроса и изменением его структуры. Эффект спроса усиливался кейнсианским механизмом мультипликатора. На данном этапе (условно можно считать, что он продолжался с января 1992 г. по середину 1994 г.) наблюдались наиболее высокие темпы спада (промышленное производство падало со средней скоростью 1.5% в месяц!).
2. На втором этапе (середина 1994 г. – конец 1996 г.), по мере укрепления рубля сокращалось производство в неконкурентоспособных отраслях, сталкивающихся с международной конкуренцией (эффект предложения). Большие чем в других странах размеры спада здесь определяются большим масштабом исходных разрывов производительности в разных отраслях. На данном этапе динамика производства существенно дифференцировалась, в соответствии со степенью международной конкурентоспособности: выпуск в

электроэнергетике, топливной и пищевой промышленности практически стабилизировался, при сохраняющемся быстром спаде в легкой промышленности (в среднем на 2.6% в месяц), промышленности стройматериалов, лесной и деревообрабатывающей промышленности (по 1.8% в месяц), и машиностроении (1.0% в месяц). Таким образом, снижение предложения в результате снижения реального уровня цен играло ведущую роль лишь в ограниченном круге отраслей.

3. Спад в менее конкурентоспособных отраслях не компенсировался ростом в более конкурентоспособных. Основными причинами были отсутствие инвестиций и отсутствие перераспределения ресурсов. За этим стоят, прежде всего, институциональные проблемы перераспределения собственности, формирования эффективных собственников, заинтересованных в долгосрочном развитии производства, а также общая политическая нестабильность, низкое качество рыночной среды и государственных институтов (подробнее данный вопрос обсуждается ниже). Вместе с тем, более низкий обменный курс рубля помог бы увеличить экспорт и смягчить эти проблемы.

Инвестиционный спад

Поскольку сокращение инвестиционного спроса внесло столь большой вклад в общее падение производства, рассмотрим подробнее его характер и причины. Глубокий инвестиционный спад охватил практически все отрасли (исключение составляют нефтепереработка и, в последние годы, связь). Эти данные подтверждаются приведенными в Таб.5 цифрами спада в строительстве и машиностроении.

Таблица 6. Изменение физического объема инвестиций по секторам

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	Всего за 1992-1999
Всего	-40	-12	-24	-10	-18	-5	-7	5	-73
Промышленность	-31	-19	-35	-10	-13	-2	-14	13	-73
Электроэнергетика	5	-7	-33	5	-5	20	-16	-22	-49
Топливная	-12	-17	-35	-7	-15	-1	-25	18	-67
- нефтедобыча	-10	-24	-42	-11	-25	6	-17	н.д.	-76*

* Изменение за 1992-1998 гг.

- нефтепереработка	14	144	-14	-10	-31	-26	19	н.д.	29*
- газовая	-24	-7	-8	9	10	-8	-45	н.д.	-60*
- угольная	-10	-22	-39	-9	-14	-3	-33	н.д.	-78*
Черная металлургия	-13	-18	-42	-4	-24	-14	5	8	-71
Цветная металлургия	-17	-19	-35	-19	-31	11	-18	51	-67
Химическая и н/химическая	-21	-35	-40	-8	-14	-5	-9	-7	-80
Машиностроение	-59	-21	-43	-29	7	-22	-10	26	-87
ЛДЦБ	-49	-51	-19	1	-32	-24	-1	79	-81
Промышленность стройматериалов	-45	-49	-12	-19	-36	-19	-33	18	-92
Легкая	-48	-38	-47	-48	-23	-31	-8	17	-95
Пищевая	-53	5	-33	-15	-13	-1	21	24	-63
Сельское хозяйство	-65	-38	-50	-40	-32	-17	-16	-12	-97
Строительство	-65	-24	2	-33	13	-6	-9	-5	-83
Транспорт	-42	9	-17	0	-16	9	-17	30	-48
Связь	-67	-10	11	17	15	28	14	-13	-44
Торговля и обществ. питание	-64	-23	49	12	-5	0	14	-10	-55

Отметим, что, в отличие от типичной для развивающихся стран ситуации, низкий уровень инвестиций в России не связан с недостатком сбережений. Так, в 1999 г. валовые сбережения составили 25.5% ВВП, а валовое накопление - 15.1% ВВП, остальные же сбережения были инвестированы в иностранные активы. Иными словами, проблема состоит в недостаточной привлекательности инвестиций в российскую экономику.

Причины инвестиционного спада разнообразны. На первом этапе важную роль играло значительное сокращение государственных инвестиций. Достаточно долго препятствовала инвестициям затянувшаяся высокая инфляция. На следующем этапе существенный вклад в спад внесло вытеснение инвестиций широкомасштабными государственными заимствованиями, которые использовались на финансирование текущего потребления. По мере спада терялись стимулы к инвестированию, так как в большинстве отраслей образовались значительные незагруженные мощности.

Однако, несмотря на важность перечисленных макроэкономических и структурных факторов, основную роль в сохранении высокого уровня оттока капитала, на наш взгляд, играли институциональные факторы.

Известно, что инвестиционные решения, по своей природе носящие долгосрочный необратимый характер, особенно чувствительны ко всем видам

нестабильности. Проведенное Всемирным банком детальное исследование (Brunetti, Weder, 1998), в котором изучались данные по 60 странам за период 1974-1989 гг. показало, что уровень инвестиций имеет сильную отрицательную связь со всеми видами неопределенности: нестабильностью политического режима, распространенностью политического насилия, нестабильностью экономической среды, незащищенностью прав собственности и контрактных прав. Наиболее значимая связь была получена для следующих конкретных факторов (в порядке убывания значимости):

1. Вариация отклонений валютного курса от долгосрочного тренда,
2. Революции и перевороты,
3. Низкий уровень правопорядка (в широком понимании - как склонности разрешать конфликты в рамках законных процедур),
4. Коррупция,
5. Изменения конституции,
6. Вариация отклонения обменного курса черного рынка от официального курса,
7. Военные потери,
8. Политические казни,
9. Терроризм,
10. Насильственные общественные изменения,
11. Вероятность прихода к власти оппозиции.

Очевидно, что из 11 факторов нестабильности 9 (за исключением шестого и восьмого) все последние годы в острой форме имели место в России. К ним добавлялись еще два, едва ли не главных фактора: во-первых, размытый, переходный характер прав собственности, и во-вторых, крайняя слабость (если не отсутствие) механизмов контроля собственников (в том числе государства) за финансовыми потоками. Отсутствие эффективных стратегических собственников и сохранение опасности передела собственности приводят к доминированию в экономическом поведении краткосрочных решений, а нечеткое разделение прав между собственниками и менеджерами приводит к тому, что потенциальные инвестиционные ресурсы расхищаются управляющими и прячутся на зарубежных счетах.

Послекризисный рост производства

Быстрый рост российской экономики после кризиса стал сюрпризом для большинства экспертов. Так, например, опубликованный МВФ в конце 1998 г. прогноз предусматривал сокращение ВВП в 1999 г. на 8.3%. Фактически в первые же месяцы после девальвации рубля начался интенсивный рост производства. По состоянию на середину 2000 г. очищенный от сезонности выпуск промышленной продукции вырос по сравнению с наиболее низким уровнем (сентября 1998 г.) уже на 32%, реальный объем ВВП – на 16%.

Большинство экономистов сходятся в том, что ведущей причиной послекризисного роста российской экономики стало повышение конкурентоспособности российского производства в результате девальвации (Монтес, Попов, 1999, Breach, 1999). Соглашаясь с этим достаточно очевидным выводом, отметим, что девальвация имела одновременно и негативный эффект, сократив внутренний спрос и увеличив долю импорта в его удовлетворении, вследствие неэластичности внутреннего спроса к реальному обменному курсу.

Вторым важным фактором роста стало резкое улучшение условий торговли начиная с середины 1999 г. Так, в I квартале 2000 г. цены на товары российского экспорта возросли по сравнению с тем же периодом 1999 г. на 40%, а цены на импортируемые товары снизились на 15%. Вместе с тем, это вряд ли можно считать ведущей причиной, поскольку быстрый рост производства начался уже в октябре 1998 г., задолго до начала повышения мировых цен на нефть и другие сырьевые товары.

Среди других факторов, на наш взгляд, важную роль играли следующие.

1. Повышение ликвидности экономики. Так, по данным бизнес-опросов доля бартера в оплате промышленных поставок снизилась с 54% в августе 1998 г. до 46% в январе 1999 г. и 33% в начале текущего года. Значительно выросла величина денежных оборотных средств предприятий в реальном выражении.
2. Улучшение финансового состояния предприятий. Заметно увеличилась прибыль экономики, снизилась доля убыточных предприятий, возросла доля предприятий, считающих свое финансовое состояние хорошим или удовлетворительным. Одной из причин этого стало снижение в результате финансового кризиса уровня реальной заработной платы.

3. Сдерживание регулируемых цен после кризиса. Аналогично тому, как это делалось в 1997 г., правительство снизило относительные цены на газ, электроэнергию и транспортные перевозки. Если в целом цены производителей выросли в 1999 г. на 67%, то цены на продукцию электроэнергетики повысились лишь на 14%, а на железнодорожные грузовые перевозки – на 10%.

II. РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Влияние основных макроэкономических факторов на динамику производства активно изучается как в рамках теоретических моделей экономического развития, так и путем анализа межстрановых статистических данных.

Мы сосредоточимся здесь на анализе долгосрочного роста, поэтому не будем обсуждать проблемы конъюнктурного сокращения спроса, вызывающими временное недоиспользование экономических ресурсов.

Классические модели исходят из того, что долгосрочная экономическая динамика определяется размерами использования факторов производства, прежде всего капитала и труда. Наблюдаемый рост производительности факторов объясняется экзогенным процессом совершенствования технологий (научно-техническим прогрессом). В рамках этих представлений решающее значение получает процесс накопления капитала и уровень предложения труда.

Вместе с тем, неоклассические модели (типа модели Солоу), не позволяют объяснить многие наблюдаемые закономерности развития – в частности, отсутствие сближения душевого дохода между развитыми и развивающимися странами.

Современное поколение моделей экономического развития (модели эндогенного роста) дают более адекватное описание наблюдаемых закономерностей роста экономики в странах с различным уровнем производства, сбережений, накопленного капитала, технологического развития и т.п. Общей чертой таких моделей служит введение в рассмотрение того или иного ресурса, для которого не выполняется обычный для неоклассической теории принцип убывающей производительности. В одних моделях таким ресурсом служит

“человеческий капитал”, расширяющий классическое понятие рабочей силы, в других - знания, приобретаемые в процессе работы либо с помощью научно-технических разработок. Принципиальное отличие научных идей или технических инноваций состоит в том, что они имеют свойства “общественного блага”: могут, без убыли, использоваться всеми. Таким образом, накопление знаний и человеческого капитала имеет экстернальные эффекты. Модели эндогенного роста меняют представления об источниках роста: ключевым условием развития здесь оказывается не просто «механическое» накопление, а успешное восприятие, инкорпорирование в экономику технологических новинок. Многие авторы, в частности, показывают, что именно это обеспечило успех «Азиатских тигров» - таких стран как Гонконг, Тайвань, Южная Корея (Nelson, Pack, 1997; Rodrik, 1997). Это в свою очередь ставит вопрос о том, какие факторы определяют готовность стран к восприятию прогресса.

Модели данного типа получают качественно новые свойства: решения экономических агентов (как склонность к сбережениям) или правительства (как уровень налогов) определяют не только равновесный уровень душевого дохода, но и долгосрочные темпы роста экономики. Тем самым значительно повышается роль факторов экономической политики в формировании экономического роста.

Наряду с анализом источников развития на уровне моделей экономической динамики, проводится множество эконометрических исследований, где изучается связь между темпами роста различных стран в разные периоды времени и показателями, которые могут влиять на рост. Результаты, получаемые различными авторами, как правило, лишь частично совпадают между собой. Такие различия связаны с тем, что ни одно из исследований на достаточно большой выборке не обеспечивает высокой степени объяснения вариации темпов роста по странам (типичная доля объясняемой вариации не превышает 60%). В этих условиях выбор включаемых в рассмотрение переменных (учитывая, что многие из них коррелированы между собой), использование различных баз данных и методов анализа приводят к количественно, а иногда и качественно различающимся выводам. При интерпретации подобных исследований следует также иметь в виду, что направление влияния факторов друг на друга часто далеко не очевидно. Сказанное означает, что межстрановой анализ источников роста должен основываться не на каком-либо отдельно взятом исследовании, а на

широкой их совокупности и опираться можно лишь на неоднократно подтвержденные выводы. Наиболее полный обзор результатов всех проведенных эконометрических исследований дают Durlauf, Quah, 1998.

Переменные, рассматриваемые в рамках межстранового анализа, отражают и поведение частного сектора (например, инвестиционные решения), и качество рыночной среды (свободное перемещение ресурсов, значительные искажающие налоги, степень искажения рыночных сигналов), и качество государственных институтов, и объективные экономические условия (как цены международной торговли).

Перечислим факторы, влияние которых на рост подтверждено наибольшим количеством исследований. Такие факторы можно условно разделить на следующие группы.

1. **Начальные условия.** Согласно классическим моделям, экономика с более низким начальным уровнем душевого дохода при прочих равных условиях должна демонстрировать более высокие темпы роста. Большинство исследований подтвердили существенную отрицательную зависимость темпов роста от исходной величины душевого ВВП.
2. **Макроэкономические условия.** Инфляция оказывает достоверно отрицательное воздействие на рост, однако это воздействие носит не линейный, а скорее пороговый характер. Подробнее этот вопрос обсуждается ниже. В ряде исследований получен отрицательный эффект бюджетного дефицита и положительный эффект роста внутреннего кредита и денежной массы, однако последние зависимости неустойчивы и статистически недостоверны.
3. **Величина инвестиций.** Уровень инвестиций выраженный в % ВВП представляет собой фактор, наиболее устойчиво и достоверно связанный с ростом.
4. **Государственные расходы.** Эффект величины государственного потребления (выраженного в % ВВП) противоречив. В ряде работ найдена отрицательная связь, однако в некоторых исследованиях (например, Caselli, Esquivel, Lefort, 1996; Olson et al., 2000) связь оказывается положительной. В то же время, многие авторы находят очень сильное положительное влияние на рост экономики государственных инвестиций в инфраструктуру.

5. **Качество «человеческого капитала».** Главной характеристикой здесь считается уровень образования населения - во многих работах обнаруживается его положительная связь с ростом. Менее четкая положительная связь находится также с различными характеристиками состояния здоровья населения (например, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении).
6. **Качество рыночной среды.** Устойчивый отрицательный эффект найден для искажений обменного курса (в качестве количественной характеристикой его обычно служит наличие и величина разрыва между номинальным обменным курсом и курсом «черного рынка»). Негативное действие обнаружено также для ценовых искажений. Положительное влияние на рост выявлено для степени открытости экономики, хотя здесь результаты оказываются не вполне устойчивыми.
7. **Качество государственных институтов.** Сюда включаются характеристики исполнения государством своих базовых функций. Один из распространенных подходов (Knack, Keefer, 1994; Barro, Sala-i-Martin, 1995) выделяет пять основных индикатора качества институтов.
- *Соблюдение законности* (учитывает, в какой степени исполняются законы, насколько эффективно разрешаются конфликты в рамках законов),
 - *Уровень коррупции* (характеризуется распространенностью взяточничества),
 - *Качество работы государственного аппарата,*
 - *Риск экспроприации собственности* (опасность национализации или произвольной конфискации),
 - *Исполнение государством своих обязательств.*

Эти показатели экспертно оцениваются для инвесторов организацией «Индекс международных страновых рисков». Первые три показателя принимают значения от 1 до 6, два последних – от 1 до 10 (максимальные значения соответствуют наиболее благоприятным условиям). Естественно, перечисленные показатели сильно коррелированы между собой, поэтому обычно только один из них оказывается включен в окончательные уравнения регрессии, объясняющие темпы роста. В разных исследованиях выявлено устойчивое положительное влияние на экономический рост таких показателей качества институтов как: соблюдение законов, низкая коррупция и исполнение государством своих обязательств, защищенность прав собственности.

8. Условия внешней среды. Существенное влияние выявлено для условий торговли (соотношения цен на продукцию экспортируемую страной и импортируемую ей). Менее значимое влияние оказывают общемировые темпы роста (характеризуемые ростом экономики стран “Большой семерки”).

9. Политическая ситуация. Наибольшее влияние (естественно, негативное) на развитие оказывает политическая нестабильность. Она описывается количественно - например, числом политических убийств на миллион населения в год, либо качественно - с помощью переменной, отделяющей страны, где происходят вооруженные конфликты или политические перевороты.

Для других рассматриваемых здесь факторов - таких как демократическое устройство страны, наличие гражданских свобод и политических прав, - результаты неоднозначны. Так, получено положительное влияние на рост умеренного уровня демократии и отрицательное воздействие его дальнейшего повышения (Вагго, 1997).

10. Национальные либо региональные особенности. Устойчивые отклонения вниз от общих закономерностей роста получены для стран Центральной Африки и Латинской Америки. В одной из работ (Sala-i-Martin, 1997) найдена даже положительная зависимость роста от географической широты.

Для того чтобы получить представление о величине выявляемых эффектов, рассмотрим одно из наиболее фундаментальных межстрановых исследований, проведенное признанным авторитетом в этой области Р.Барро. Были обработаны данные по 97 странам (включая как развитые, так и развивающиеся) за период с 1960 г. по 1990 г. В качестве наблюдений зависимой переменной брался среднегодовой темп роста реальной величины душевого ВВП за три периода: 1965-1975, 1975-1985, 1985-1990. Для наглядного представления результатов мы пересчитали полученные коэффициенты регрессии в размеры эффекта от условных изменений тех или иных показателей (представленных во втором столбце Таб.7.). Мы опустили расчетные коэффициенты влияния демократического устройства страны.

В данном исследовании в число факторов не включена величина инвестиций, которая обычно является одной из главных объясняющих переменных. Причина состоит в том, что она, как показывает автор, сильно коррелирована с остальными рассмотренными переменными. Это позволяет

сделать вывод, что механизм связи последних с темпами роста в значительной мере включает влияние на интенсивность инвестиционного процесса.

Таким образом, наиболее значимыми в данном исследовании оказываются институциональные условия (индекс законопорядка), внешние факторы (условия торговли) и начальные условия (исходный уровень ВВП). Макроэкономические показатели (инфляция, государственное потребление) также играют определенную роль, но имеют меньший эффект. Такой вывод достаточно типичен для подобных исследований.

Таблица 7. Зависимость темпов роста от объясняющих факторов (Вагго, 1997)

Показатель	Увеличение показателя	Эффект: изменение среднегодового темпа роста (процентные пункты)	t-статистика силы связи
1. Начальная величина ВВП на душу	В 2 раза	-0.8	-8.2
2. Годовая инфляция	На 10%	-0.4	-5.4
3. Доля государственного потребления в ВВП	На 1%	-0.14	-5.2
4. Охват мужского населения средним образованием	На 10%	0.12	4.7
5. Произведение превышений факторов 1 и 4 над среднестрановыми уровнями	На 10% каждый фактор	-0.03	-3.6
6. Ожидаемая продолжительность жизни	На 10%	0.2	3.1
7. Фертильность	На 10%	-0.1	-3.0
8. Индекс законопорядка	На 1 балл	2.9	5.4
9. Условия торговли	На 10%	1.4	4.6

В качестве иллюстрации определяющей роли инвестиций для экономического развития приведем уравнение для темпов роста душевого ВВП (g), построенное по межстрановым данным за период 1970-1998 гг. (Bouton, Sumlinski, 2000):

$$g = 0.06 + 0.71 PI + 0.13 GI - 0.31 Y_0 - 0.70 s + 0.23 Ed$$

$$(0.1) \quad (3.9) \quad (0.9) \quad (-4.4) \quad (-3.5) \quad (1.8)$$

где PI , GI - частные и государственные инвестиции в % ВВП, Y_0 - начальный уровень ВВП на душу, s - темп роста населения, Ed - среднее число лет

учебы в средней школе, а числа под коэффициентами уравнения - значения t - статистики.

Данная зависимость показывает, что повышение частных инвестиций на 1% ВВП при прочих равных условиях увеличивает среднегодовой темп роста экономики на 0.71 процентных пункта.

Levine, Renelt (1992) поставили цель построить уравнение, в которое были бы включены только устойчиво значимые факторы. Их исследование показало, что таких факторов всего несколько, а именно: начальный уровень ВВП на душу, величина инвестиций в % ВВП, охваченность детей средним школьным образованием и темп роста населения. Полученное уравнение приводится ниже.

В ряде работ на модельном и эмпирическом уровне анализируется воздействие на темпы роста факторов макроэкономической (в частности, бюджетной) политики.

Основные механизмы потенциального воздействия налоговой системы на рост, таковы: 1) высокие налоги дестимулируют накопление и инвестиции; 2) высокий подоходный налог сокращает предложение труда и инвестиции в человеческий капитал, 3) налоговая система может воздействовать на масштабы исследований и разработок и венчурные инвестиции в поисковые проекты - эти направления играют, согласно современным представлениям, ключевую роль в развитии экономики; 4)-5) искажающие налоги могут привести к неэффективному отраслевому распределению капитала и труда.

Однако, с другой стороны, уровень налогообложения связан с величиной государственных расходов. Последние оказывают положительный эффект на экономическое развитие по нескольким направлениям. Во-первых, расходы на образование и здравоохранения повышают эффективность экономики за счет улучшения качества «человеческого капитала». Во-вторых, государственные капиталовложения, наряду с частными, вносят свой вклад в развитие. При этом наиболее эффективными признаются те капиталовложения, которые не заменяют, а дополняют частные. Это относится в первую очередь к инвестициям в производственную инфраструктуру общего пользования (прежде всего, транспорт и связь), где рынок не обеспечивает достаточного количества вложений. Наконец, расходы на обеспечение законности и общественного порядка защищают права

собственности и, тем самым, служат необходимым и важным условием функционирования рыночной экономики.

В результате, теоретический анализ большинства моделей (Rebelo, 1990; Barro, Sala-I-Martin, 1995; Barro, 1997) говорит о том, что зависимость темпов экономического роста от государственных расходов имеет вид «горба». Излишне большие расходы требуют чрезмерно высоких налогов, которые угнетающе действуют на рост. Однако слишком сильное сокращение государственных расходов приводит к тому, что ряд необходимых функций государства не выполняется, что приводит к снижению темпов роста. Таким образом, равно вредны как чрезмерно высокие, так и чрезмерно низкие налоги.

Эмпирическое измерение влияния уровня государственных расходов на рост дает противоречивые результаты. Как отмечалось выше, для государственного потребления в одних работах получается отрицательная связь с ростом, в других такая связь отсутствует, а отдельные авторы находят даже положительную связь. Во всех случаях при этом влияние государственного потребления и общего уровня налоговых доходов на рост было умеренным: Mendoza E., G.Milesi-Feretti, P.Asea (1996) получили с помощью имитационного моделирования, что гипотетическое снижение одновременно всех налогов на 10% приводит к повышению темпов роста на 0.25% в год. При нагрузке порядка 40% ВВП это означает, что снижение налогов на 10% ВВП увеличивает темпы роста на 0.63 процентных пункта. Engen, Skinner (1992) на основе межстранового эконометрического анализа оценивают эффект сокращения налоговой нагрузки на 10% ВВП как 0.72% дополнительного роста в год. Mendoza E., G.Milesi-Feretti, P.Asea (1996) корректируют эту оценку с учетом косвенного влияния через рост инвестиций, получая, что такое снижение всех налогов может повысить рост на 1.28% в год. McCallum, Blais (1998) получили положительную связь роста с уровнем расходов правительства и отрицательную с изменением уровня (сокращение расходов на 10% ВВП должно вызвать увеличение темпов роста на 0.7-0.9 процентных пункта). Таким образом, оцениваемый эффект сокращения бюджетных доходов и потребления на 10% ВВП колеблется между отрицательной величиной и дополнительными 1.5% роста в год.

С другой стороны, практически во всех исследованиях обнаруживается сильное положительное влияние на рост государственных инвестиций в

инфраструктурные отрасли. Некоторые авторы (в частности, Easterly, Rebelo, 1993) сообщают также о значительном влиянии государственных инвестиций на частные. Часть исследований (DeLong, Summers, 1992) указывает на более значительный эффект установки нового оборудования по сравнению с инвестициями в целом.

Приведенные данные соответствуют выводам из теоретического анализа моделей роста. Действительно, последние предсказывают, что при завышенном уровне налогов эффект их сокращения может оказаться положительным, при низком уровне - отрицательным, а вблизи нормального уровня - близким к нулевому. Кроме того, как отмечают С.Фишер с соавторами (Fisher, Sahay, Vegh, 1998), влияние величины государственных расходов на рост в большой мере зависит от того, на что именно они используются и как финансируются.

Кроме общего уровня налогов, детальному анализу подвергалась и роль искажений, связанных с отдельными налогами (в рамках такого анализа общий уровень налогообложения считается фиксированным, а снижение отдельных ставок компенсируется введением неискажающих налогов на такую же сумму). Здесь, в соответствие с теоретическими предсказаниями, находят, что налоги на прибыль и подоходный оказывают некоторое негативное влияние на рост. Это означает, что для роста предпочтительными являются неискажающие налоги на потребление (Engen, Skinner, 1996). Такие эффекты, однако, достаточно слабы. Так, Mendoza E., G.Milesi-Feretti, P.Asea (1996) оценивают эффект десятипроцентного снижения ставки налога на прибыль как повышение темпов роста инвестиций максимум на 1-2% в год.

Сильный и потенциально важный эффект был выявлен для налогообложения прибыли, используемой на исследования и разработки. По оценке Hall (1993) предоставление налогового кредита на такие расходы оказывало сильное стимулирующее действие на исследования: каждый доллар снижения налоговых поступлений приводил к увеличению затрат на исследования на 2 доллара. Важность данного эффекта связана с тем, что технологический прогресс не только служит главным источником повышения эффективности производственных факторов, но и обладает “внешним эффектом”, становясь общим достоянием и получая широкое распространение.

В последнее время все большее значение при анализе источников роста придается роли институциональных условий¹. Например, Olson et al. (2000) обнаружили, что для получения хорошего (с эконометрической точки зрения) объяснения межстрановых различий производительности труда достаточно использовать стандартные показатели начальной величины душевого ВВП, охваченности средним образованием, искажения обменного курса и уровень государственного потребления, если добавить к ним показатели качества государственных институтов (например, степень выполнения правительством своих обязательств). При этом связь с правительственными расходами оказалась положительной, а зависимость от качества институтов весьма сильной. Повышение оценки ответственности правительства со средней (уровень Филиппин) до высокой (уровень Гонконга) при прочих равных увеличивает годовой темп роста на 1.8 процентных пункта.

D.Rodrik (1997) показал, что различия между темпами роста в странах Юго-Восточной Азии хорошо объясняются различиями в качестве государственных институтов этих стран. Он построил следующее уравнение, описывающее темпы роста производительности труда (g) в 8 странах этого региона (под коэффициентами приведены значения t -статистики):

$$g = 4.85 - 3.11 \ln(G_0) + 0.38 E + 0.83 IQ$$

(19.4) (17.3) (9.5) (27.7)

где G_0 - величина ВВП в начале наблюдения, E - среднее число лет образования, IQ - агрегированная мера рассматривавшихся выше показателей качества государственных институтов (выражается баллами от 1 до 10).

Величина скорректированной статистики R^2 составляет для этого уравнения 0.99. Несмотря на небольшое число наблюдений точность описания и достоверность оценок коэффициентов (особенно при качестве институтов) позволяют достаточно серьезно отнестись к полученному результату.

Синтетический подход выражен в работе DeLong, Summers (1992)². Авторы считают роль макроэкономических показателей несимметричной в том смысле, что неблагоприятные макроэкономические условия могут служить достаточной причиной плохих показателей роста, однако, хорошие макроэкономические

¹ Внимание автора на важную роль институциональных факторов и ключевые публикации на эту тему обратил В.М.Полтерович.

² Последний являлся Министром финансов США в администрации Клинтона.

условия сами по себе не гарантируют устойчивого роста. Ведущую роль в повышении производительности, по мнению авторов, играют не макроэкономические, а структурные и институциональные факторы.

В качестве примера, подтверждающего данный тезис, рассмотрим воздействие инфляции на рост. Отрицательная связь между ними носит нелинейный характер: как показано в ряде исследований, наличие высокой инфляции препятствует росту, однако если инфляция снижена до приемлемых размеров, дальнейшее ее сокращение уже не помогает увеличить рост. Более того, чрезмерные усилия по дальнейшему подавлению инфляции могут негативно отразиться на росте (DeLong, Summers, 1992). Границы приемлемой инфляции по-разному оцениваются разными авторами. Bruno, Easterly (1998) в своем исследовании приходят к выводу, что безопасной является инфляция в границах не выше 30-40% в год. Другими авторами (Sarel, 1996; Ghosh, Philips, 1998) получены меньшие значения, порядка 10% в год. К аналогичным выводам приходит Стенли Фишер (Fisher, 1993), указывающий, что высокая инфляция несовместима с устойчивым ростом, однако быстрый рост даже в течение длительного времени не обязательно требует низкой инфляции и дефицита.

Rodrik (2000) приводит неудачу реформ в России в качестве примера того, что макроэкономическая политика не работает без должной законодательной основы, адекватных механизмов регулирования и хорошо работающего государственного аппарата.

Специальное исследование МВФ (Mackenzi, Orsmond, 1996) было посвящено комплексной оценке эффекта бюджетных реформ, проводившихся в 8 развивающихся странах (включая Китай, Индию, Мексику, Чили и Таиланд). Детальный анализ бюджетной политики и показателей экономического развития за 15 лет (1978-1993) показал, что наиболее благоприятными для роста оказались реформы, предусматривавшие выборочное сокращение государственных расходов, со смещением приоритетов в сторону более продуктивного использования средств. При этом наиболее продуктивными были признаны государственные инвестиции и расходы на образование и здравоохранение (инвестиции в человеческий капитал).

Опыт рассматриваемых стран показал, что попытки равномерно сокращать все бюджетные расходы или проводить слишком масштабное сокращение

оказывались неустойчивыми: они создавали “узкие места”, тормозившие развитие, и через небольшое время существенная часть государственных расходов вновь восстанавливалась. При проведении подобных реформ не следует также переоценивать результаты увеличения сбережений государственного сектора: в большинстве случаев они примерно наполовину компенсировались сокращением частных сбережений.

III. ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ РОСТА В РОССИИ

Несмотря на то, что по поводу некоторых мер экономической политики уже выработался консенсус (практически все согласны, что необходимо снижать налоги, и что расширение денежной эмиссии имеет смысл только при определенных условиях), спектр обсуждаемых подходов к стимулированию экономического роста в настоящее время достаточно широк. Рассмотрим основные из них.

1. С.Глазьев (2000) видит основную задачу стимулирования экономики в привлечении средств в производственную сферу. Для этого он предлагает, прежде всего, организовать рефинансирование производственной деятельности Центральным банком за счет кредитования коммерческих банков под залог векселей платежеспособных предприятий. Кроме того, он считает необходимым переход к управлению денежным предложением путем регулирования процентных ставок с их последовательным снижением до уровня, не превышающего рентабельность обрабатывающей промышленности.

На наш взгляд, в ближайшее время эти вопросы являются далеко не главными для обеспечения роста. Как известно, в последнее время банки держат значительные средства под отрицательный реальный процент на депозитах в Центральном банке и имеют большие избыточные средства на не приносящих дохода корреспондентских счетах. Это показывает, что основным препятствием для банковских инвестиций в производственную сферу служат связанные с ними высокие риски. Причиной столь высоких оценок рисков служат непрозрачность корпоративных финансов, обремененность предприятий старыми долгами, общая экономическая нестабильность и низкий уровень соблюдения контрактного права.

В результате инвестиционное кредитование находится на крайне низком уровне: несмотря на наличие у банков свободных средств, превышающих 100 млрд.руб., за первые 4 месяца текущего года прирост кредитных вложения в предприятия и организации на срок от года и выше составил лишь 11 млрд.руб. (0.6% ВВП).

В подобных условиях нет необходимости в дополнительном кредитовании коммерческих банков, а снижение процентных ставок еще более сократит предложение кредитов со стороны банков. Как отмечалось выше (Российский экономический барометр, 2000), высокие банковские ставки - далеко не основной ограничитель инвестиций с точки зрения предприятий. К тому же, по данным того же источника, не ощущается недостатка в рентабельных инвестиционных проектах.

Предлагаемые С.Глазьевым меры могут дать ожидаемый эффект только при условии готовности банковского сектора работать с инвестиционными проектами, а реального сектора - принять и эффективно использовать предоставленные кредиты. Этому, однако, препятствует множество обстоятельств: обремененность большинства предприятий долгами, непрозрачность их финансового состояния, отсутствие у большинства банков серьезного опыта инвестирования средств в производство, и т.д.

2. В подготовленном Банком России в конце 1999 г. проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2000 г.» предлагался вариант экономической политики, основанный на стимулировании внутреннего спроса. При этом предлагалось стимулировать одновременно потребительский и инвестиционный спрос. Для решения первой задачи предлагалось принимать «дополнительные меры по повышению доходов населения как со стороны государства, так и со стороны предприятий». Возможные способы стимулирования инвестиций охарактеризованы более конкретно. Они включают:

- Уменьшение налогообложения прибыли, расходуемой в целях накопления,
- Широкое использование инвестиционных налоговых льгот,
- Снижение ставок подоходного налога,

- Поддержку перспективных инвестиционных проектов посредством предоставления государственных гарантий, обеспечения кредитной поддержки, страхования, долевого участия, создания специальных финансовых институтов развития.

На наш взгляд, здесь совмещены две отчасти противоречащие друг другу задачи: рост зарплаты ведет к сокращению прибыли и, тем самым, уменьшает источники финансирования инвестиций. Кроме того, значительный рост зарплаты может вызвать снижение конкурентоспособности производства.

Что касается стимулирования инвестиций, некоторые из предлагаемых мер уже проводятся в жизнь (снижение ставки подоходного налога, создание Банка развития). Вместе с тем, более актуальной представляется задача не разделения государством инвестиционных рисков с коммерческими банками, а их радикального снижения. Государству имеет смысл использовать предлагаемые способы поддержки инвестиционного процесса только там, где коммерческие банки по разным причинам не готовы обеспечить кредитование своими силами и нет надежды на быстрое изменение ситуации. Сюда относится, прежде всего, кредитование крупных долгосрочных проектов, потенциально являющихся высоко перспективными (таких как разработки в авиастроении). Что касается мелких и средних проектов, это должно быть сферой деятельности коммерческих банков а задача государства здесь состоит в снижении рисков кредитования и устранении факторов, приводящих к искажениям в структуре распределения инвестиций.

Что особенно важно, предложения Центрального банка никак не увязывались с условиями рыночной среды. Между тем, как указал Корнаи (Kornai, 1994), кейнсианское стимулирование спроса целесообразно только при наличии жестких бюджетных ограничений. В противном случае результат такого стимулирования будет, в лучшем случае, временным. Одновременно стимулирование спроса в такой ситуации может вызвать оживление в неконкурентоспособных отраслях и эффект окажется тогда в целом отрицательным.

3. Продуктивным представляется подход к стимулированию развития экономики, представленный в проекте «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную

перспективу». В этом документе выход на траекторию устойчивого роста ставится как одна из главных целей экономической стратегии, а в качестве средств ее решения предлагается широкий набор мер, главными составляющими которых служат налоговая реформа и глубокие структурные и институциональные преобразования.

Ключевыми условиями для достижения цели признаются формирование благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата при обеспечении высокого уровня экономической свободы. Это включает обеспечение гарантий прав собственности, равных и справедливых условий конкуренции, снятие административных барьеров на пути ведения бизнеса, движения труда и капитала, проведение ответственной бюджетной и денежной политики.

Можно согласиться с общим подходом, предлагаемым в данной программе, за одним важным исключением. С одной стороны, в ней придается большое значение укреплению государственных институтов: судебной системы, исполнения законов, государственного контроля. С другой стороны, в рамках реформы бюджетной политики ставится задача резкого сокращения не только неисполнимых бюджетных обязательств, но и фактических государственных расходов (с 36% ВВП в 2000 году до 32-33% ВВП в ближайшие 5 лет и далее до 30% в долгосрочной перспективе).

На наш взгляд, эти две задачи находятся в явном противоречии друг другу. Обращаясь к ключевым показателям качества государственных институтов, будь то перечисленные выше характеристики или цели, сформулированные в самой правительственной программе, мы можем заключить, что улучшение любого из них требует некоторого увеличения расходов. В частности, для обеспечения законопорядка необходимо существенное увеличение финансирования судебной системы. Для искоренения коррупции и повышение качества государственного аппарата необходимо (хотя и недостаточно) резко повысить зарплату квалифицированным гос.служащим (возможно, значительно сократив при этом их численность).

Поставленные задачи противоречат общемировой тенденции увеличения доли государственного потребления в ВВП с ростом величины душевого ВВП, известной как закон Вагнера (см. Commander at al., 1998). При этом, в частности,

растут государственные расходы на здравоохранение и образование. При сопоставимом с другими странами с переходной экономикой уровне государственных расходов, программа планирует их сокращение до 30% ВВП при экономическом росте за 10 лет на 70%.

Как отмечалось выше, теоретический анализ говорит о том, что сокращение государственных расходов целесообразно только когда их уровень завышен по сравнению с оптимальным. Однако, вовсе не очевидно, что такая ситуация имеет место в России. Так, С.Гомулка (Gomulka, 2000) считает, что благоприятная для инвестиций и роста макроэкономическая среда включают, наряду с другими условиями, поддержание расходов расширенного правительства в диапазоне от 30% до 40% ВВП. Там же приводятся данные о том, что средний уровень таких расходов в странах с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы (по всем показателям наиболее успешно преодолевшим период реформ) составили в 1997 г. и 1998 г. в среднем 43% ВВП (отклонение 3%) при средних темпах роста 4.6% и 3.9%. В выборке из 15 стран с переходной экономикой (Fisher, Sahay, Vegh, 1998) государственное потребление составляло в 1995 г. в среднем 18% ВВП, что превосходило уровень России (17%). Большинство успешно реформировавшихся стран (за исключением Венгрии) имели, по этим данным, уровень государственного потребления выше чем Россия: Польша - 18% ВВП, Словакия, Словения, Чехия - по 20%, Эстония - 21%. И напротив, страны с таким же как у России или более низким государственным потреблением чаще относились к группе с худшими показателями экономической динамики: Болгария имела потребление на уровне 17% ВВП, Македония и Румыния - 14%, Азербайджан - 14% и Албания - 12% ВВП. Таким образом, нельзя исключить вероятность того, что Россия уже находится ниже оптимального уровня государственных расходов и дальнейшее их сокращение окажет негативное воздействие на экономическую динамику.

4. Наиболее радикален подход к созданию благоприятных условий для роста, развиваемый А.Илларионовым (1996; 2000). Он полагает, что темпы роста зависят главным образом от макроэкономических факторов и главными из таких факторов считает величину государственных расходов и степень либерализации экономики. На основе данных о величине бюджетного дефицита, государственных расходов и темпах экономического спада в России

А.Илларионов (1996) делает вывод, что каждый дополнительный процент прироста ВВП может быть получен за счет сокращения государственных расходов не менее чем на 1% ВВП и увеличения бюджетного профицита не менее чем на 0.6% ВВП.

Целью “в меру амбициозной, но реалистической” экономической политики автор считает достижение устойчивых темпов роста в размере 5-6% в год, для чего, по его мнению, необходима дальнейшая либерализация экономики и сокращение государственных расходов до 25-26% ВВП. В “идеальной модели” для России, как считает А.Илларионов, государственные расходы должны составлять 26.5% ВВП. Свои выводы автор иллюстрирует данными о темпах роста по группам стран с различными макроэкономическими показателями и разной экономической политикой.

Сравнивая публикации А.Илларионова с рассмотренными выше исследованиями, мы видим, что первые носят упрощенный и односторонний характер по сравнению с серьезными работами на эту тему. Во-первых, в условиях, когда темпы роста зависят от многих взаимосвязанных факторов, любые выводы могут быть основаны только на фундаментальном эконометрическом анализе, позволяющем «очистить» влияние изучаемых переменных от эффекта других факторов. Явно недостаточно использовать для этого просто группировки стран по отдельным характеристикам или коэффициенты корреляции. Во-вторых, как отмечалось выше, зависимость экономической динамики от налоговой нагрузки и степени либерализации носит не линейный, а более сложный характер. И теоретический, и эмпирический анализ свидетельствуют, что налоговое бремя препятствует росту, только если оно выходит за приемлемые рамки. Опыт стран с переходной экономикой показывает также, что либерализация способствует росту лишь при наличии эффективно действующих институтов и инфраструктуры.

Не вдаваясь в рассмотрение конкретных неточностей в работах А.Илларионова, разбор которых проводят Фридман, Видясов, Мельянец (1999), отметим, что крайне серьезные рекомендации делаются на основе непропорционально легковесной аргументации. Так, вывод о необходимости радикального сокращения государственных расходов основан в работе 1996 г. на сопоставлении значений трех показателей в пяти точках (1992-1996 гг.) для одной

страны - России, проходящей через радикальное изменение всей экономической системы. В этот период одновременно меняются большинство экономических пропорций, поэтому, произвольно выбирая комбинацию показателей, можно получить любые выводы. Так, параллельно со спадом быстро снижалась денежная масса в реальном выражении – значит с таким же, если не большим успехом, мы можем заключить, что спад объяснялся не бюджетным дефицитом, а чрезмерно жесткой монетарной политикой. А.Илларионов выступает против такого взгляда – но если применяемый им «метод» позволяет обосновывать прямо противоположные точки зрения, значит он не доказывает вообще ничего, т.е. не может приниматься во внимание.

IV. ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ РОСТ

Представляется необходимым выделить два основных периода начинающегося экономического роста, для которых различны решаемые задачи и, соответственно используемые подходы.

Глубокий спад на протяжении 1991-1998 гг. привел к образованию в экономике большого количества неиспользуемых производственных мощностей. Так, по данным Госкомстата, уровень загрузки на базовых промышленных предприятиях составил в апреле текущего года 48%. Оценки «Российского экономического барометра» выше, составляя 66% от нормального уровня, однако также говорит о существенном потенциале свободных фондов. Высоким остается уровень явной и скрытой безработицы, а занятые работники имеют не полную нагрузку. Достаточно очевидно, что российская экономика далека от состояния полного использования экономических ресурсов. В то же время, послекризисное развитие показало (вопреки нередко высказывавшемуся мнению), что значительная часть этих ресурсов при определенных условиях может быть достаточно быстро вовлечена в производство. Сказанное означает, что в краткосрочном плане возможен сравнительно быстрый рост за счет расширения агрегированного спроса.

На втором этапе рост должен происходить за счет увеличения предложения в результате наращивания основного капитала и кардинального повышения эффективности производства.

Главные вопросы относительно первого этапа таковы:

- Каким может быть вклад в этот рост основных элементов спроса?
- Как долго может продлиться этап «кейнсианского» роста?
- Какие меры экономической политики необходимы на данном этапе?

Источники роста со стороны спроса хорошо иллюстрируются результатами I квартала 2000 г. Рост ВВП на 8.4% к соответствующему периоду прошлого года был обеспечен в основном за счет роста валового накопления (на 14.0% в реальном выражении) и потребления домашних хозяйств (на 9.4%). Представляется, что в ближайшие несколько лет такая ситуация сохранится: «локомотивами роста» станут, прежде всего, инвестиционный и, во вторую очередь, потребительский спрос. Это соответствует прогнозу «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», согласно которому в 2001-2003 гг. среднегодовые темпы роста валового накопления будут составлять 12.7%, потребления домашних хозяйств – 5.4%, и физического объема ВВП – 4.6%.

Данные Госкомстата о загрузке мощностей в промышленности не могут быть прямо использованы для определения потенциала роста за счет расширения спроса. Во-первых, загрузка весьма существенно различается по отраслям и, во-вторых, нормальная загрузка должна быть значительно меньше 100%. В условиях чрезвычайно крайне негибкой структуры производства общие пределы роста будут определяться возможностями наращивания производства в «узких местах». Таковым сегодня является ТЭК. Даже в условиях беспрецедентно благоприятной внешней конъюнктуры нефтяная и газовая отрасль лишь незначительно повысили добычу. Можно предполагать, что в краткосрочном плане (в ближайшие 3 года) эти отрасли смогут увеличить производство примерно на 5%, а электроэнергетика – на 8-9%. Даже с учетом того, что потребление энергии в промышленности растет медленнее чем производство (из-за значительной постоянной составляющей энергозатрат), потенциал первого этапа роста (если не произойдет резкого ухудшения условий торговли) можно грубо оценить в 12-15% увеличения ВВП за три года. За это время необходимо совершить прорыв с точки зрения повышения качества рыночной среды и формирования институтов, что позволит перейти ко второму этапу.

Прежде чем рассматривать рекомендуемые меры экономической политики, обратимся к исследованию Всемирного банка (Pfefferman et al. 1999), где анализировались основные препятствия для инвестирования. В этом исследовании, проводившемся в 1997 г., руководителям примерно 4000 предприятий в 74 странах предлагалось оценить по 6-балльной шкале роль препятствий для инвестирования из заданного списка. Варианты оценки каждого из потенциальных препятствий варьировали от 1 - "не служит препятствием" до 6 - "является очень серьезным препятствием". Результаты обследования показывают вклад различных факторов в формирование благоприятного инвестиционного климата с точки зрения предпринимателей (хотя, разумеется, интерпретация данных требует оговорок, поскольку не исключено, что в разных странах бизнесмены в разной степени склонны жаловаться на трудности). Полученные результаты для основных стран с переходной экономикой и нескольких стран из категории "растущие рынки" приведены в Таб.8 (каждая колонка соответствует определенной стране) Для каждой страны здесь указан ранг серьезности препятствий (ранг 1 имеет фактор, воспринимаемый как наиболее важный), причем ранги указаны только для тех факторов, которые не менее чем половина опрошенных назвало "серьезными" или "очень серьезными".

Приведенные данные свидетельствуют, что для России наиболее серьезными препятствиями оказались (в порядке убывания важности): 1) несовершенная налоговая система, 2) нестабильность экономической политики, 3) непредсказуемость судебной системы, и 4) преступность. Вместе с тем, следует обратить внимание, что в 9 из 12 включенных в нашу таблицу стран несовершенство налогов названо главной проблемой для инвестирования, а еще в двух странах она поставлена на второе либо третье место. Всего в 90% из стран с переходной экономикой налоги считают серьезной или очень серьезной проблемой. Более того, ситуация ненамного отличается и в развитых странах: в 64% из них получен такой же результат.

Таблица 8. Факторы, препятствующие инвестициям (Pfefferman et al. 1999)

	C1	C2	C3	C4	C5	C6	C7	C8	C9	C10	C11	C12
Непредсказуемость судебной системы	3	4	10			3	2	3		3		2

Препятствия для открытия нового бизнеса												
Регулирование цен												
Регулирование внешней торговли		6				7					5	
Недостаток финансирования			8				4	5			3	
Трудовое законодательство												
Валютное регулирование		2	4									4
Налоговая система и/или высокие налоги	1	1	2	1	1	1	3	1	1		1	1
Недостаточная инфраструктура			9									
Нестабильность экономической политики	2	3	4			4		3		1	2	
Инфляция		6	1		2			5		2		3
Общая неопределенность регулирования		5	3			5		2				5
Преступность и воровство	4		4			6	5				4	
Коррупция			7	2		2	1					6

где С1-Россия, С2-Беларусь, С3-Болгария, С4-Чехия, С5-Венгрия, С6-Казахстан, С7-Мексика, С8-Польша, С9-Таиланд, С10-Турция, С11-Украина, С12-Узбекистан.

Другие проблемы, выделенные российскими предпринимателями, также достаточно распространены, однако наличие или отсутствие этих препятствий как раз отделяет успешно развивающиеся страны (такие как Чехия, Венгрия, Польша) от стран, все еще переживающих переходный период. Результаты свидетельствуют, что в России в основном решены макроэкономические проблемы и препятствиями для инвестиций служат структурные и институциональные проблемы.

Одновременно определялось, какие из рассматриваемых факторов не создают препятствий для инвестирования (не менее чем половиной опрошенных оцениваются баллом 1 или 2). Оказалось, что для России (как, впрочем, и для

большинства переходных экономик) таких факторов просто нет - т.е. ни по одному из них ситуацию нельзя признать полностью удовлетворительной.

Для того чтобы придать анализу большую объективность, авторы измеряли наличие и силу статистической связи между воспринимаемой серьезностью препятствий для инвестирования и фактическим уровнем инвестиций частного сектора (выраженным в % ВВП). При этом связь инвестиций изучалась с долей предпринимателей, считающих тот или иной фактор серьезным либо очень серьезным препятствием, и с долей отвечающих, не считающих фактор серьезным препятствием. В Таб. 9 приведены результаты для тех факторов, для которых связь оказалась наиболее значимой.

Таблица 9. Зависимость частных инвестиций (в % ВВП) от воспринимаемой оценки препятствий (Pfefferman et al. 1999)

	Связь с наличием проблемы	t- статистика оценки	Связь с отсутствием проблемы	t- статистика оценки
Непредсказуемость судебной системы	-0.18	-3.4		
Регулирование внешней торговли			0.34	2.9
Недостаток финансирования	-0.25	-3.3	0.43	3.8
Валютное регулирование			0.39	2.9
Налоговая система и/или высокие налоги	-0.20	-2.8		
Инфляция			0.50	3.2

Обратим внимание, что неблагоприятное налоговое законодательство препятствует инвестициям, однако отсутствие проблем в этой области еще не гарантирует само по себе роста инвестиций. Таким образом, налоговая реформа служит необходимым, но не достаточным условием активизации инвестиционного процесса.

Общую сравнительную оценку инвестиционного климата в России и других странах с переходной экономикой дает Европейский банк реконструкции и развития (Transition Report, 1999). Она учитывает: 1) показатели макроэкономической стабильности, 2) условия налогообложения, 3) правовой порядок (включая коррупцию) и качество судебной системы, 4) состояние финансов предприятий, 5) состояние инфраструктуры. Согласно полученным

оценкам, среди 20 обследуемых стран Россия находилась в 1999 г. лишь на 17-м месте. Агрегированная оценка инвестиционного климата для России (по 4-балльной шкале, где 4 означало худший возможный показатель) составляла 2.8, тогда как лидировали Венгрия, Словения и Эстония (по 2.1 балла), Узбекистан (2.2 балла), Польша и Армения (2.3 балла).

Аналогичные результаты получены в исследовании МВФ (Navylyshyn, van Rooden, 2000), где интегральное качество институтов России оценивается в 57 баллов по 100-балльной шкале - существенно ниже чем у “успешных” стран (Словакия - 65 баллов, Словения - 79, Польша - 81, Венгрия - 83, и Чехия -85 баллов). Более того, показатели качества институтов существенно отделяют здесь более успешные страны с переходной экономикой от менее успешных.

К сказанному выше о влиянии на уровень инвестиций факторов неопределенности, можно добавить результаты работы Сервена (Serven, 1998), где найдена сильная и устойчивая негативная связь инвестиций практически со всеми источниками неопределенности. Другой аспект той же проблемы составляет обнаруженное достоверное негативное влияние на инвестиции и экономический рост обобщающего фактора доверия предпринимателей к властям. Он включает предсказуемость действий властей, уверенность предпринимателей в личной безопасности и защищенности собственности и другие аналогичные факторы.

Таким образом, не меньшее значение чем чисто экономические меры, имеет повышение всех аспектов стабильности и доверия к власти. С учетом этого, экономическая политика на данном этапе должна включать следующие основные элементы.

1. Расширение системы аккумуляции сбережений за счет развития негосударственных пенсионных фондов, паевых фондов, страховых компаний и т.п. Укрепление доверия вкладчиков к банковским институтам.

2. Повышение мобильности ресурсов. Как показывают исследования на микроуровне (Foster, Halriwanger, Krizan, 1998) эффективное перераспределение экономических ресурсов служит одним из главных условий для экономического роста. В дополнение к общим действиям по активизации инвестиционного процесса это требует реструктуризации и укрепления банковской системы, развития инфраструктуры рынков корпоративных ценных бумаг, снятия барьеров

для выхода на рынок новых участников, усилий по повышению мобильности рабочей силы.

3. Стимулирование инвестиций путем сокращения инвестиционных рисков. Решение этой задачи включает снижение всех источников неопределенности, начиная с рассматривавшихся выше общих “страновых” рисков, и кончая “непрозрачностью” финансового положения конкретного предприятия.

4. Повышение общего качества рыночной среды с тем чтобы обеспечить максимально эффективное распределение инвестиций. К числу приоритетов здесь относятся устранение неравных условий конкуренции. и создание для экономических агентов условий "жестких бюджетных ограничений".

5. Укрепление государственных институтов, важных для активизации инвестиционного процесса. Включает укрепление защиты прав акционеров, улучшение работы судебной системы, борьбу с коррупцией, и т.п.

6. Создание стимулов для высокоэффективных инвестиций (включая налоговые меры, меры амортизационной политики).

7. Разработка системы мер стимулирования научно-технических разработок. Выше отмечалось, что инвестиции и инновационная деятельность в моделях эндогенного роста имеют значительный экстернальный эффект. В таких случаях чисто рыночные силы могут не обеспечивать достижения социальный оптимум, поэтому могут быть оправданы различные формы государственной поддержки. В частности, следует рассмотреть возможность налоговых мер стимулирования инвестиций в научные разработки. Большое внимание должно уделяться также защите государством авторских прав.

8. , С учетом того что недавно избран новый президент и сформировано новое правительство, имеется возможность резко изменить воспринимаемую оценку политической и экономической стабильности. Принципиальное значение с этой точки имеют сигналы, которые новая власть посылает бизнес-сообществу. Содержание этих сигналов составляют декларации власти о планируемых подходах к экономической политике. Такими сигналами являются, с одной стороны, долгосрочная правительственная программа, новый Налоговый кодекс, бюджет. С другой стороны, сигналами являются и характер взаимоотношений между властью, крупными предпринимателями и правоохранительными органами.

Добавим к сказанному несколько соображений по поводу специфики задач активизации инвестиционного процесса в разных отраслях.

◆ ТЭК имеет достаточные собственные средства для масштабных инвестиций. Задача здесь состоит в том, чтобы заменить отток капитала на внутренние инвестиции. В то же время сектор привлекателен для иностранных инвестиций. Целесообразно также налаживание привлечения инвестиций путем выпуска корпоративных облигаций (в настоящее время данный механизм практически не используется).

◆ Машиностроение. Ключевая отрасль, так как от ее развития зависит скорость и глубина модернизации экономики. Необходимо найти баланс между импортом оборудования и развитием собственной машиностроительной базы. Специфика отрасли состоит в недостаточности собственных источников накопления. Но некоторые отрасли (с большим экспортным потенциалом - например, авиастроение, энергетическое машиностроение) могут быть привлекательны для банковских инвестиций, некоторые (прежде всего – производство потребительских товаров) – для иностранных. В первом случае проблемой являются длительные сроки окупаемости. Кроме того, для отрасли характерна высокая концентрация производства, что требует проведения широкомасштабных инвестиционных проектов. Все это позволяет ставить вопрос о предоставлении в некоторых случаях государственных гарантий по кредитам.

◆ Пищевая промышленность. Собственные средства отрасли недостаточны, но она имеет важное преимущество в виде быстрой окупаемости вложений, поэтому может быть привлекательна как для банков, так и для иностранных инвестиций (что подтверждают данные о распределении иностранных инвестиций в 1999 г.).

◆ Сельское хозяйство - Потенциальным источником фокусированных инвестиций со временем может стать пищевая промышленность. Другой возможный источник здесь - это банковские кредиты фермерским хозяйствам под залог земли, что требует создания рынка земли.

◆ Транспорт и связь. Связь – достаточно интенсивно развивающийся сектор с растущими в последние годы инвестициями. Что касается транспорта, то

здесь, по-видимому, ведущую роль должны играть государственные инвестиции, однако необходимо резко повысить их эффективность.

◆ Высокие технологии (программное обеспечение, научные разработки). Специфика данной сферы - сравнительно небольшие объемы кредитования, но высокие риски. Необходимо наладить механизмы венчурного финансирования, роль государства может состоять в создании инфраструктуры и придании процессу начального толчка.

Большая часть необходимых мер по структурным и институциональным реформам включена в “Основные направления социально-экономической политики Правительства”.

Вместе с тем, проведенный выше анализ позволяет, на наш взгляд, сделать некоторые дополнения и коррективы к предложениям, содержащимся в программе. Это касается, прежде всего, ориентиров бюджетной политики. Не подлежит сомнению необходимость значительного повышения эффективности бюджетных расходов. Вместе с тем, это не означает необходимости значительного сокращения государственных расходов вообще. По нашему мнению, следует заменить цель «маленькое правительство» (сокращение расходов расширенного правительства) на цель «эффективное правительство». Это требует изменения структуры расходов: например, ликвидации субсидий на ЖКХ, снижения расходов на поддержку экономики. С другой стороны, необходимо, на наш взгляд:

- повысить зарплаты эффективным служащим гос.аппарата (при сокращении безусловно раздутой его численности),
- поддерживать уровень инвестиций в развитие инфраструктуры,
- резко увеличить расходы на развитие судебной системы,
- инвестировать в человеческий капитал.

Это означает, с другой стороны, что налоговая реформа должна ставить задачу снизить нагрузку на добросовестных налогоплательщиков, но не общий уровень доходов бюджетной системы. Должны быть исключены наиболее искажающие налоги (такие как налоги уплачиваемые с оборота) и неравномерное распределение налоговой нагрузки, приводящее к серьезному искажению условий конкуренции, однако это может (и, по нашему мнению, должно) быть

компенсировано отменой налоговых льгот, сокращением уклонения от налогов и уменьшением неплатежей в бюджет по мере оздоровления экономики.

Для оценки перспектив долгосрочного роста в России можно обратиться к работе Fisher, Sahay, Vegh (1998). В ней на основе двух факторных моделей строятся ожидаемые темпы роста душевого ВВП (g) для стран с переходной экономикой. В качестве базы были использованы модели Барро (Barro, 1991):

$$g1 = 0.0302 - 0.0075 \ln(Y0) + \text{Prim} + \text{Sec} - \text{Gov}$$

и Levine, Renelt (1992):

$$g2 = -0.0083 - 3.5 \cdot 10^{-6} Y0 - 0.0038 s + 0.0317 \text{Sec} + 0.175 \text{Inv},$$

где $Y0$ - начальная величина ВВП на душу (рассчитанная по паритету покупательной способности), Prim, Sec - охваченность детей соответствующего возраста начальным и средним школьным образованием, Gov - государственное потребление в % ВВП, s - темп роста населения, Inv - инвестиции в % ВВП.

Рассчитанные по этим формулам прогнозы долгосрочных темпов роста приведены в Таб. 10. Они свидетельствуют, что потенциально Россия имеет хорошие предпосылки для выхода на устойчивый быстрый рост. Относительно низкий стартовый уровень ВВП при высоком качестве человеческого капитала делают российскую экономику наиболее перспективной среди переходных экономик. Однако для того чтобы использовать эти предпосылки необходимо проведение всего комплекса назревших мер по улучшению экономической и политической среды в России.

Таблица 10. Расчетные долгосрочные темпы экономического роста (Fisher, Sahay, Vegh, 1998)

	Y0	Prim	Sec	Gov	Inv	s	g1	g2
Россия	4510	1.07	0.92	0.17	0.26	0.55	5.3	4.8
Болгария	4280	0.86	0.71	0.17	0.12	-0.35	4.3	2.2
Венгрия	7010	0.94	0.81	0.10	0.23	-0.53	5.2	3.5
Польша	5480	0.98	0.83	0.18	0.16	0.20	4.6	2.6
Словения	5982	0.97	0.80	0.20	0.25	0.41	4.2	4.2
Чехия	7940	0.99	0.89	0.20	0.31	-0.06	4.2	4.6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.// Будет ли новый финансовый кризис? Вопросы экономики, 6, 2000.
2. Илларионов А.// Бремя государства. Вопросы экономики, 9, 1996.
3. Илларионов А.// Как Россия потеряла XX столетие. Вопросы экономики, 1, 2000.
4. Инвестиционный климат в России. Доклад Экспертного института. Вопросы экономики, 12, 1999.
5. Матвеев В., Е.ВострокнUTOва, М.Буев// Трансформационный спад и предпосылки роста в России. Российская программа экономических исследований, 98/03, 1998.
6. Мовшович С.М. Инфляция и сокращение производства в монополизированной экономике. Экономика и математические методы, 1995, 3.
7. Монтес М., В.Попов// “Азиатский вирус” или “голландская болезнь”? М., Дело, 1999.
8. Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Проект. Интернет-страница www.akm.ru, 2000.
9. Полтерович В.М. Рационализация кредита, инфляция и трансформационный спад. Экономика и математические методы, 1995, 3.
10. Полтерович В.М. Трансформационный спад в России. Экономика и математические методы, 1996, 1.
11. Попов В.// Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики. Вопросы экономики, 7, 1998.
12. Российский экономический барометр, 2, 2000.
13. Стиглиц Дж.// Куда ведут реформы? Вопросы экономики, 7, 1999.
14. Фридман Л., М.Видясов, В.Мельянцеv// Государственные расходы и экономический рост. Мировая экономика и международные отношения, 10, 11, 1999.
15. Экономика России: рост возможен. McKinsey Global Institute, 1999.
16. Яковлев А. Структурные деформации как фактор экономических реформ в России. В кн. Инвестиционный климат и экономическая стратегия России. М., Высшая школа экономики, 2000.
17. Barro R.// Economic Growth in a Cross-Section of Countries. Quarterly Journal of Economics, v.106, 2, 1991.
18. Barro R.// Determinants of Economic Growth. MIT Press, 1997.
19. Barro R., X.Sala-I-Martin// Economic Growth. McGraw Hill, 1995.

20. Berg A., E.Borensztein, R.Sahay, J.Zettelmeyer// The Evolution of Output in Transition Economies. IMF Working Paper, WP/99/73, 1999.
21. Blanchard O.// The Economics of Post-Communist Transition. Clarendon Press, 1997.
22. Blanchard O., M.Kremer// Disorganization. Quarterly Journal of Economics, Nov., 1997.
23. Bouton L., M.Sumlinski// Trends in Private Investment in Developing Countries. Statistics for 1970-1998. International Finance Corporation, Discussion Paper 41, 2000.
24. Breach A. Russia: Now a competitive exchange rate – the revival of the real economy. Goldman Sachs, Global Economics Paper, 23 July 1999.
25. Bruno M., W.Easterly// Inflation Crises and Long-Run Growth. Journal of Monetary Economics, v.41, 1, 1998.
26. Brunetti A., G.Kisunko, B.Weder// Credibility of Rules and Economic Growth: Evidence from a Worldwide Survey of the Private Sector. World Bank Policy Research Paper, 1997.
27. Brunetti A., B.Weder// Investment and Institutional Uncertainty. International Finance Corporation, Technical Paper 4, 1997.
28. Caselli F., G.Esquivel, F.Lefort// Reopening the Convergence Debate: a New Look at Cross-Country Growth Empirics. Journal of Economic Growth, 1(3), 1996.
29. Commander S., H.Davoodi, U.Lee// The Causes and Consequences of Government for Growth and Well-being. World Bank, 1998.
30. DeBroek M., V.Koen// The Great Contraction in Russia, the Baltics, and Other Countries of the Former Soviet Union: a View From the Supply Side. IMF Working Paper, WP/00/32, 2000.
31. De Melo M., C.Denizer, A.Gelb// From Plan to Market: Patterns of Transition. In: Macroeconomic Stabilization in Transition Economies, Ed.M.Blejer, M.Skreb, 1997.
32. Durlauf S., D.Quah// The New Empirics of Economic Growth. NBER Working Paper 6422, 1998.
33. De Long B., L.Summers // Macroeconomic Policy and Long Run Growth. 1992.
34. Engen E., J.Skinner// Fiscal Policy and Economic Growth. NBER Working Paper 4223, 1992.
35. Engen E., J.Skinner// Taxation and Economic Growth. NBER Working Paper 5826, 1996.
36. Easterly W., S.Rebelo// Fiscal Policy and Economic Growth: an Empirical Investigation. NBER Working Paper 4499, 1993.
37. Fisher S. The Role of Macroeconomic Factors in Growth. Journal of Monetary Economics, v.32, p.458-512, 1993.
38. Fisher S., R.Sahay, C.Vegh// From Transition to Market: Evidence and Growth Prospects. IMF Working Paper, WP/98/52, 1998.

39. Fisher S., R.Sahay// The Transition Economies After Ten Years. IMF Working Paper, WP/00/30, 2000.
40. Foster L., J.Haltiwanger, C.Krizan// Aggregate Productivity Growth: Lessons from Microeconomic Evidence. NBER Working Paper 6803, 1998.
41. Ghosh A., S.Philips// Inflation, Disinflation, and growth. IMF Working Paper, WP/98/68, 1998.
42. Ghosh A., H.Wolf// Thresholds and Context Dependence in Growth. NBER Working Paper 6480, 1998.
43. Gomulka S. Output: causes and of the decline and the recovery. In: *Understanding Transition*. MIT Press, 1998.
44. Gomulka S.// Macroeconomic Policies and Achievements in Transition Economies, 1989-1999. UN Economic Commission, Europe Annual Seminar, Geneva, May, 2000
45. Havrylyshyn O., I.Izvorski, R.van Rooden// Recovery and Growth in Transition Economies 1990-1997: A Stylized Regression Analysis. IMF Working Paper, WP/98/141, 1998.
46. Havrylyshyn O., R.van Rooden// Institutions Matter in Transition, But So Do Policies. IMF Working Paper, WP/00/70, 2000.
47. Hall B.// R&D Tax Policy During the 1980s: Success or Failure? In: *Tax Policy and the Economy*, Vol.7, MIT Press, 1993.
48. Knack S., P.Keefer// Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutions Measures. *Economics & Politics*, v.7, 3, 1994.
49. Kornai J. // Transformational Recession: the Main Causes. *Journal of Comparative Economics*, v.19, p.39-63, 1994.
50. Levine R., D.Renelt// A Sensitivity Analysis of Cross-Country Growth Regressions. *American Economic Review*, v.82, 4, 1992.
51. McCallum, J., A.Blais// Government, Special Interest Groups, and Economic Growth. *Public Choice*, v.54, 1, 1998.
52. Mackenzi G., D.Orsmond. The Quality of Fiscal Adjustment and Growth. IMF occasion paper, 1996.
53. Mendoza E., L.Tesar// Supply-Side Economics in a Global Economy. NBER Working Paper 5086, 1995.
54. Mendoza E., G.Milesi-Feretti, P.Asea// On the Ineffectiveness of Tax Policy to Alter Long-Run Growth: Harberger's Superneutrality Conjecture. Federal Reserve Board of Governors, 1996.
55. Mercer-Blackman V., A.Unigovskaya// Compliance with IMF Program Indicators and Growth in Transition Economies. IMF Working Paper, WP/00/47, 2000.
56. Mundell R.// The Great Contraction in Transition Economies. In: *Macroeconomic Stabilization in Transition Economies*, Ed.M.Blejer, M.Skreb, 1997.
57. Nelson R., H.Pack// The Asian Miracle and Modern Growth Theory. The World Bank, 1997.

58. Olson M, N.Sarna, A.Swamy// Governance and Growth: a Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth. *Public Choice*, v.102, p.341-364, 2000.
59. Pfefferman G., G.Kisunko, M.Sumlinski// Trends in Private Investment in Developing Countries and Perceived Obstacles to Doing Business. International Finance Corporation, Discussion Paper 37, 1999.
60. Razin A., C.-W.Yuen// Capital Income Taxation and Long Run Growth: New Perspectives. NBER Working Paper 5028, 1995.
61. Rebelo S.// Long Run Policy Analysis and Long Run Growth. NBER Working Paper 3325, 1990.
62. Rodrik D.// TFPG Controversies, Institutions, and Economic Performance in East Asea. NBER Working Paper 5914, 1997.
63. Rodrik D.// Institutions for High-Quality Growth: What they Are and How to Acquire Them. NBER Working Paper 7540, 2000.
64. Rodrick D. Making sense of the Soviet trade shock in Eastern Europe: a framework and some estimates. CEPR, Discussion paper 705, 1992.
65. Roland G., Verdier T. Transition and the output fall. CEPR, Discussion paper 1636, 1997.
66. Sala-i-Martin X.// I Just Ran Tow Million Regressions. *American Economic Association Papers and Proceedings*, 87(2), 1997.
67. Sarel M.// Nonlinear Effects of Inflation on Economic Growth. *IMF Staff Paper*, v.43, p.199-215, 1996.
68. Serven L. Macroeconomic Uncertainty and Private Investment in Developing Countries: an Empirical Investigation. International Finance Corporation, Discussion Paper, 1998.
69. The State in the Changing World// *World Development Report*. World Bank, 1997.
70. Transition Report 1999// EBRD, 1999.